

ДОН НИГРО

ТЕМНЫЕ

СОНЕТЫ ЛЕДИ

Дон Нигро

Темные сонеты леди

«Автор»

1992

Нигро Д.

Темные сонеты леди / Д. Нигро — «Автор», 1992

Дон Нигро «Темные сонеты леди/The Dark Sonnets of the Lady/1992».
8 актеров (4 женские и 4 мужские роли). Зигмунд Фрейд и его пациентка Дора. Реальный, описанный Фрейдом, случай психоанализа, рассказанный средствами драматургии. Захватывает и не отпускает. Одна из двух пьес Дона, номинированных в США на престижные премии. В пьесе появляется Марси, главная героиня пьесы «Рейвенскрофт». «Авторское послесловие» — творческое кредо Дона, его взгляд на театр, развитие театра.

© Нигро Д., 1992

© Автор, 1992

Содержание

Действующие лица	5
Декорация	6
Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	10
Картина 3	15
Картина 4	17
Картина 5	19
Картина 6	20
Картина 7	22
Картина 8	24
Картина 9	25
Картина 10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дон Нигро

Темные сонеты леди¹

Действующие лица

ФРЕЙД – сорок пять лет
ОТЕЦ – сорок с небольшим
МАТЬ – сорок с небольшим
ДОРА – восемнадцать
ВОЛЬФ – двадцать с небольшим
ГЕРР КЛИППШТЕЙН – ближе к сорока
ФРАУ КЛИППШТЕЙН – тридцать
МАРСИ² – двадцать

² Одна из главных действующих лиц пьесы «Рейвенскрофт», переведенной на русский язык и неоднократно поставленной.

Декорация

Вена осенью и ранней зимой 1900 г., другие времена и места в период с 1896 до 1902 гг. Декорация представляет собой все эти места одновременно, включая письменный стол ФРЕЙДА, стул и кушетку, диван и несколько самых обычных предметов мебели в доме ДОРЫ, столовая в отеле, кровать в глубине сцены, гостиная в доме у озера, кабинет ГЕРРА КЛИППШТЕЙНА, улица, берег озера, лестницы, ведущие на различные уровни. На авансцене диванчик на двоих, над которым по большей части или полностью воображаемая рама становится окном, зеркалом и рамой картины, в зависимости от того, как соотносятся персонажи в этот конкретный момент. Что представляет собой та или иная часть сцены в любой конкретный момент зависит от того, что и когда делают там персонажи. Люди – реальная география. Единство декорации – момент важный. Никаких изменений по ходу спектакля быть не должно, за исключением естественной миграции бутафории, а иногда перемещения деревянных стульев, осуществляемой актерами в соответствующих ролях. МАТЬ в этом смысле весьма полезна: ее навязчивое стремление к чистоте предоставляет ей широкие возможности для того, чтобы что-то переставлять или передвигать. МАРСИ тоже может внести свою лепту, хотя главная ее работа – заботиться о двух детях Клиппштейнов, Петере и Гриндль, роли которых исполняют две куклы в полный детский рост, в викторианской детской одежде, без волос и лица, с пуговицами вместо глаз. Если бутафорию или детей требуется переставить, МАРСИ или МАТЕРИ следует проделать это во время пауз, которые заполняются вальсами. Время и пространство подвижны, и за исключением коротких периодов времени, необходимых для переодевания, все персонажи должны находиться на сцене и не застывать. Если они не участвуют в действе, но продолжают заниматься своими делами в других частях сцены, с тем, чтобы уже быть наготове к картинам, в которых участвуют. Непрерывность движения спектакля – неотъемлемая часть сюжета. ДОРА может наблюдать за ФРЕЙДОМ с другой стороны сцены, входить и выходить из любой картины по необходимости, и мгновенно принимать участие в последующей картине. Время и пространство постоянно проникают друг в друга. Не должно быть никаких затемнений, за исключением специально оговоренных. Каждая картина плавно перетекает в следующую, без разрыва и паузы. Число картин – на усмотрение режиссера и для удобства актеров, но действие всегда непрерывное. Ни при каких обстоятельствах текст не должен искажаться акцентами актеров.

Действие первое

Картина 1

(Какое-то время мы слушаем вальсы Штрауса, а к окончанию последнего, «Императорского», свет в зале начинает гаснуть и медленно разгораться на сцене. Когда звук горна вещает о последней части вальса, на сцене появляется ДОРА, выходит на середину, вроде бы танцует, застенчиво, но останавливается, когда видит МАТЬ, которая выходит в гостиную, чтобы стереть пыль. ОТЕЦ появляется несколько мгновений спустя, идет в кабинет ФРЕЙДА, смотрит в окно. Следом за ним ВОЛЬФ, подходит к креслу ОТЦА, садится в него. МАРСИ выкатывает коляску с двумя куклами-детьми. Выходит ГЕРР КЛИППШТЕЙН, за ним – ФРАУ КЛИППШТЕЙН, коротко встречается взглядом с ДОРОЙ. И когда вальс близок к завершению появляется ФРЕЙД, берет из коробки на столе сигару, садится под затихающий гром музыки. Все актеры на мгновение замирают, следует громкий щелчок, и свет ярко вспыхивает – словно все разом сфотографированы, и каждый отделен от остальных. Тут же ФРЕЙД начинает говорить, как бы продолжая разговор с ОТЦОМ, а остальные занимаются своими делами: МАТЬ вытирает пыль, МАРСИ прогуливает детей и т. д.)

ФРЕЙД. Как я понимаю, эта болезнь появилась у вас еще до свадьбы.

ОТЕЦ. Разумеется. За кого вы меня принимаете?

ФРЕЙД. На этот счет ничего сказать не могу, но чтобы помочь вам, я должен задавать вопросы и рассчитывать услышать в ответ правду.

ОТЕЦ. Это я понимаю. Излечение возможно?

ФРЕЙД. Я готов за это взяться.

ОТЕЦ. Моя сестра говорила, что вы очень одаренный. Думаю, вы лечили ее от нервного расстройства.

ФРЕЙД. Да, я помню. Как она?

ОТЕЦ. Все у нее хорошо. В смысле, она умерла. Вашей вины в этом нет. Вы лечили и моего брата Отто. Старого безумного Отто, как мы его называли. *(ФРЕЙД смотрит на него)*. По-доброму, естественно.

ФРЕЙД. Очень несчастный человек.

ОТЕЦ. Ну, не знаю. По мне он совершенно счастлив. Имитирует голоса домашних животных. И у него получается отлично, если кому-то хочется это слышать. Послушайте, скажите мне правду, эти нервные заболевания иногда... э... передаются по наследству?

ФРЕЙД. Такое возможно. А почему вы спрашиваете?

ОТЕЦ. Дело не во мне... Я вполне нормален. Во всяком случае, так думаю. Я тревожусь о моей дочери.

МАТЬ. Дора, почему ты никогда не помогаешь мне с уборкой?

ОТЕЦ. Моя дочь – удивительная девушка. Красивая, умная... У меня нет слов, чтобы сказать, как она дорога мне, всем нам.

ДОРА. Мама, папочка поправится, так?

МАТЬ. Твой отец опять заболел? До чего у него слабое здоровье. Тебе лучше держаться от него подальше. Я бы точно держалась, если бы могла. Одному Богу известно, что ты можешь от него подхватить. Протри этого фарфорового бычка, дорогая. Молодец. Нет, ЭТОГО!

ОТЕЦ. Мы очень близки. Во всяком случае, были близки.

ДОРА. Я не знаю, что сделаю, если что-то случится с папочкой.

ОТЕЦ (*обращается через сцену к ДОРЕ*). Моя Дора просто прелесть. И все у нее будет хорошо, что бы ни случилось с ее бедным старым папочкой.

ДОРА. Но мне не нравится, что ты постоянно болеешь. Это эгоистично.

ОТЕЦ. Тогда я поеду в Вену, посетю доктора Фрейда, и он меня вылечит, идет?

ДОРА. Доктор Фрейд – хороший специалист?

ОТЕЦ. Твоя тетя Сильвия и дядя Отто говорили, что лучший.

ДОРА. Но тетя Сильвия умерла, а дядя Отто – безумец.

МАТЬ. А мне Отто нравится. Когда я видела его в последний раз, он мычал, как корова. Гостей немного смущало, признаю, что он говорил со своей едой, с вожделением смотрел на ростбиф, смеялся, глядя на сливки, но я к этому привыкла. (*Смотрит на ОТЦА*). К чему только мы ни привыкаем. Протри вот то пятнышко, около грелки для ног.

ОТЕЦ (*обращаясь к ФРЕЙДУ*). Скажите, пожалуйста, а не согласитесь вы принять Дору, чтобы заверить нас, что ничем серьезным она не больна? Тем самым вы принесете нам безмерное облегчение.

ФРЕЙД. А что не так с вашей дочерью?

ОТЕЦ. Она падает в обморок, у нее головные боли, затрудненное дыхание, боли в животе, но врачи не могут определить физическую причину для всего этого. Она в глубокой депрессии, и не мать нашла написанную ей записку, которая очень нас встревожила.

ДОРА. «Дорогие мама и папа. Недавно я много думала о смерти. Какое умиротворение она принесет и как будет чисто».

МАТЬ. Дора, почему ты не протираешь столовые приборы?

ОТЕЦ (*проходит мимо стола, за которым КЛИППШТЕЙНЫ пьют чай с МАРСИ и детьми*). И она воображает что-то ужасное обо мне, о наших друзьях Клиппштейнах, и все больше грубит своей матери, а этого я потерпеть не могу.

ДОРА. Я протирала столовые приборы в четверг.

МАТЬ. Если не протирать столовые приборы, они гниют.

ДОРА. Столовые приборы не гниют. Гниют люди.

МАТЬ. Разумеется, гниют, но это не мешает нам время от времени поглаживать их, так? Так что будь хорошей девочкой и протри столовые приборы. Тогда Бог улыбнется тебе и найдет мужа.

ДОРА. Мы никогда не пользуемся этими столовыми приборами.

МАТЬ. Мы должны использовать наши лучшие столовые приборы за едой? Класть в рот? Откуда мы знаем, что на них может попасть? Мы не эрцгерцоги. У тебя грязные руки, Дора. Помой их.

ДОРА. Руки у меня чистые.

МАТЬ. Грязные руки – грязные мысли.

ДОРА. Мои руки красные от частого мытья.

МАТЬ. Ты такая красotka, Дора, у тебя такие грустные глаза, такая изящная фигура, ты грациозна, умна, у тебя хорошие волосы, но ни один мужчина в здравом уме не посмотрит на тебя. Знаешь, почему?

ДОРА. Потому что я умнее их.

МАТЬ. Потому что посмотри на свои руки. Они выглядят, как крабовое мясо, отвратительные, и такие грязные. А еще ты слишком худая. Ты больна?

ДОРА. Нет, мама, все у меня хорошо.

МАТЬ. Ты выглядишь больной.

ДОРА. Я здорова.

МАТЬ. Не выглядишь ты здоровой.

ДОРА. Сожалею, мама.

МАТЬ. Если на то пошло, выглядишь ты ужасно.

ДОРА. Я делаю все, что могу.

МАТЬ. Выглядишь ты, как кошачья блевотина. Знаешь, что говорит фрау Клиппштейн?

ФРАУ К. Ее не волнует, что я говорю.

МАТЬ. Она говорит, что твой отец прав и тебе нужно поехать к тому милому доктору, как там его зовут?

ДОРА. Не нужен мне доктор. Я ненавижу докторов. Я не могу дышать.

МАТЬ. Ты же не хочешь стать такой же, как дядя Отто?

ДОРА. Все у меня хорошо, я просто не могу дышать.

МАТЬ. Я думаю, его фамилия Фадд. Да, Зигфрид Фадд.

ДОРА. Фрейд, мама, Зигмунд Фрейд, и я к нему не поеду.

(ФРЕЙД встает, протягивает к ней руку из своего кабинета. Она подозрительно смотрит на него через сцену).

Картина 2

ФРЕЙД. Привет, Дора. Как ты сегодня?

ДОРА. Это вопрос с подковыркой?

ФРЕЙД. Ты не очень-то мне доверяешь, так?

ДОРА. Я совсем вам не доверяю. А есть необходимость?

ФРЕЙД. Это бы помогло. Почему бы тебе не подойти и присесть?

ДОРА. Не нравятся мне кабинеты. У них скрытые мотивы.

ФРЕЙД. Ты хочешь сказать, что у людей в кабинетах скрытые мотивы?

ДОРА. Нет, я про кабинеты, тыходишь, тебе начинают есть и переваривать, а через какое-то время ты исчезаешь.

ФРЕЙД. Ты в это веришь?

ДОРА. Конечно. Я совершенно безумна. Разве мой отец вам не говорил?

ФРЕЙД. Он сказал, что ты несчастна и попросил меня тебе помочь.

ДОРА. Много он вам платит?

ФРЕЙД. Достаточно.

ДОРА. Только за разговоры со мной?

ФРЕЙД. Более-менее.

ДОРА. Та еще работа.

ФРЕЙД. Мне нравится.

ДОРА. Хорошо, давайте с этим побыстрее закончим, задавайте ваши врачебные вопросы.

Отрабатывайте свои деньги.

ФРЕЙД. Какие вопросы ты хочешь услышать?

ДОРА. Знаете, не собираюсь я говорить вам, как это делается, но это такой порядок, после обмена ничего не значащими фразами, спрашивать, чем я болела в детстве.

ФРЕЙД. Чем ты болела в детстве?

ДОРА. Всем. Ветрянкой, свинкой, бери-бери, проказой... Мой брат Вольф подхватывал все первым, в очень легкой форме, потом заражал меня, и я лежала пластом. На спине. Отвратительная поза, доложу я вам. Не рекомендую.

ФРЕЙД. Ты винишь в этом брата?

ДОРА. Да, я уверена, он это делал сознательно.

ФРЕЙД. Ты любишь брата?

ДОРА. Он нравился мне больше до того, как начал изображать взрослого.

ФРЕЙД. Ты не хочешь становиться взрослой?

ДОРА. Такой – нет.

ФРЕЙД. Какой именно?

(ВОЛЬФ с газетой идет к дивану, тогда как МАТЬ вытирает пыль).

МАТЬ. Вольф, если ты грязными ногами ходишь по моему чистому полу, ты мне не сын.

ДОРА. А где ему ходить? По мебели?

МАТЬ. Дора, ты такая забавная малышка. Сядь и сшей мне несколько салфеток.

ДОРА. У нас тысячи этих салфеток, так, Вольф?

ВОЛЬФ *(читая газету)*. М-м-м-м-м.

МАТЬ. У женщины много салфеток не бывает. Не садись здесь, Дора. Ты помнешь покрывало, которое твой дядя Отто своими руками сделал в доме престарелых. Как тебе не стыдно. Ты такая никчемная.

ДОРА. Вольф, скажи матери, чтобы она перестала меня доставать.

МАТЬ. Да, Вольф, отрежь эти пальчики, которые по много раз на день вытирали твой зад после того, как ты накладывал в штаны, и было это не так давно. Знаешь, мы пропустили один пяточок, когда натирали пол.

ДОРА. Иногда мне хочется быть с дядей Отто.

ВОЛЬФ. Ты слишком обидчивая, Дора. Побуждения у мамы добрые.

МАТЬ. Откуда ты знаешь, какие у меня побуждения?

ДОРА. Когда мы были маленькими, ты всегда брал мою сторону, Вольф. Мы вместе плескались в ванне. Теперь все иначе.

ВОЛЬФ. Ты хочешь поплескаться со мной в ванне?

МАТЬ. Вольф уже вырос, Дора, не хочет он плескаться в ванне со своей сестрой. Ему есть, с кем поплескаться.

ВОЛЬФ (*смотрит на МАРСИ*). Да уж.

МАТЬ. Что?

ВОЛЬФ. Я про ужин. Хорошо бы поесть рыбу.

МАТЬ (*взъерошивает ему волосы*). Будет тебе рыба, но не сегодня. Тебе тоже пора повзрослеть, Дора. Бери пример с брата. Наш маленький Вольфи теперь такой взрослый. У тебя блохи, ты это знал?

ДОРА. Я думаю, мой единственный друг в доме – это мой отец, но в последнее время я начала сомневаться даже в нем.

МАТЬ. Да, продолжай в том же духе, убивать свою мать словами, они у тебя, как мясницкие ножи. Может, поедим на ужин барашка.

ВОЛЬФ. Все нормально, мама. Дора не в себе. Уже какое-то время Дора не в себе.

ДОРА. Да, Дора теперь кто-то еще. Дора – самозванка.

МАТЬ. И я того же мнения. Не думаю я, что ты – моя дочь. Иногда, Вольф, я думаю, да простит меня Господь, что твоя сестра – незаконнорожденная.

ВОЛЬФ. Мама...

МАТЬ. Да, я думаю, она – дочь твоего отца, но не моя.

ВОЛЬФ. Как такое может быть? Это ведь ты ее родила.

ДОРА. Это случилось так давно. Разве мама может это помнить? Обычно она не помнит, что ела на завтрак.

МАТЬ. Дора, почему бы тебе на какое-то время не пойти к фрау Клиппштейн? Или найди своего отца. Где он? И что мы ели на завтрак?

ДОРА. Я неважно себя чувствую. Не могу дышать.

МАТЬ. Может, мы забыли про завтрак. Вот почему я не могу вспомнить, что мы ели, а ты не можешь дышать. Фрау Клиппштейн говорит...

ДОРА. Мама, пожалуйста, помолчи минуту. Я не могу дышать.

МАТЬ. Если ты ждешь, что я подбегу и начну кудахтать над тобой Дора, то это напрасно.

ДОРА. ПАПОЧКА!

ФРЕЙД. Часто ты не можешь дышать?

ДОРА. Иногда не могу. Они так меня злят. Вольф становится все больше похож на мать. А я – на отца.

ФРЕЙД. В чем ты становишься на него похожа?

ДОРА. Я умная и упрямая. Но я говорю правду.

ФРЕЙД. А твой отец лжет?

ДОРА. Только когда полагает это удобным.

ФРЕЙД. И в чем он лжет?

ДОРА. Я уверена, он солгал насчет меня.

ФРЕЙД. Он сказал, что у тебя сильные головные боли и другие симптомы без очевидной на то причины. Ты кашляешь, теряешь голос, не можешь дышать.

(ДОРА кашляет. ФРЕЙД что-то записывает).

ДОРА. Что вы записываете?

ФРЕЙД. Это я для себя.

ДОРА. Что именно?

ФРЕЙД. Тебе это мало что скажет.

ДОРА. Вы намерены изображать одного из этих глупых, загадочных докторов? Я надеялась на большее. Дядя Отто так высоко отзывался о вас буквально на днях, когда бегал по саду, трубя, как слон.

ФРЕЙД. Как я понимаю, ты побывала у многих врачей.

ДОРА. О, да. В Вене я местная знаменитость. Вы ревнуете?

ФРЕЙД. Несомненно.

ДОРА. Папа обожает врачей. Звонит одному всякий раз, когда у него урчит в животе. У нас не дом, а дешевый французский фарс, с врачами, бегающими туда-сюда, туда-сюда. Я ненавижу стариков, которые лапают меня и бросают похотливые взгляды, дружелюбно рассуждают о погоде, одновременно ощупывая мои половые органы. С позиции женщины врачи – это камеры пыток. Присутствующие не в счет, во всяком случае, на текущий момент.

ФРЕЙД. То есть я на текущий момент – не камера пыток.

ДОРА. Вы пока никто. По крайней мере, ведете себя прилично.

ФРЕЙД. Я ощупываю только твой разум.

ДОРА. Косвенное растление. (ФРЕЙД что-то записывает, улыбаясь). Что вы пишете теперь?

ФРЕЙД. Допустим, мы заключим сделку. Я пообещаю говорить тебе, что думаю, когда бы ты ни спросила, как смогу честно, если ты пообещаешь мне то же самое.

ДОРА. И о том, что вы записываете?

ФРЕЙД. И о том, что я записываю.

ДОРА. Хорошо. Так что вы записали? (Он протягивает ей блокнот. Она читает). «Умная девчушка». Это вы про меня, правильно я понимаю? Я должна раздуться от гордости?

ФРЕЙД. Мне без разницы. Это хорошо, что ты умная, но и потенциально опасно.

ДОРА. Я знаю. Если ты умный, тебя ненавидят.

ФРЕЙД. Кто?

ДОРА. Все.

ФРЕЙД. Тебя все ненавидят?

ДОРА (смотрит через окно на МАТЬ, которая протирает его с другой стороны). Ненавидели бы, если бы время от времени я не начинала вести себя крайне глупо. Это мой способ самозащиты. (Поворачивается к ФРЕЙДУ). Готова спорит, ВАС ненавидят все.

ФРЕЙД. Опасность в следующем: чем умнее пациент, тем эффективнее защита, которую он выстраивает, чтобы не позволить выяснить то, что мне необходимо узнать.

ДОРА. То есть это будет война?

ФРЕЙД. Может, маленькая война. Между друзьями. Чтобы помочь тебе.

ДОРА. Не вам?

ФРЕЙД. Может, немного и мне.

ДОРА. Вы думаете, что и я в какой-то мере чокнутая, раз тетя Сильвия была чокнутой, а дядя Отто издает животные звуки?

ФРЕЙД. Такими словами я не пользуюсь.

ДОРА. Вы лечили и отца. От тоже чокнутый?

ФРЕЙД. У вашего отца заболевание тела.

ДОРА. Какое заболевание?

ФРЕЙД. Боюсь, профессиональная этика...

ДОРА. Нет, не думаю я, что он заразился профессиональной этикой. Я уверена, что на нее у отца иммунитет. Вы нарушаете нашу договоренность.

ФРЕЙД. У вашего отца дурная болезнь, которой заражаются многие мужчины.

ДОРА. Это грязь или что?

ФРЕЙД. Это составляющая жизни.

ДОРА. Я в этом не сомневаюсь. Мой отец и его семья сплошь интеллигентные, творческие люди – они лгут, сходят с ума, подхватывают отвратительные болезни. Мать и его семья гораздо более порядочные – они сплошь идиоты. Если я зарекомендую себя слишком интересной личностью, меня сочтут безумной или лгуньей, так?

ФРЕЙД. Я не выношу суждений, только задаю вопросы и обращаю внимание на ответы. Это поиск истины, который мы с тобой проводим вместе. Мы идем в темное, неведомое место, и никто не может сказать, что мы там обнаружим.

ДОРА. Какие мы отчаянные. Вас не смущает, что в этом путешествии вы выбрали в спутники женщину? Это девственная территория, вы знаете.

(МАТЬ, которая протирает пыль и что-то там поправляет у диванчика у окна, находит записку и начинает ее читать, чуть ли не по слогам).

МАТЬ. «Дорогие мама и папа...»

ФРЕЙД. Я нахожу женщин удивительными спутниками, хотя часто ставящими в тупик, а иногда вероломными...

ДОРА. Да, я зачастую вероломная, но разочарована тем, что ставлю вас с тупик. Я думала, что у вас будут наготове ответы на любые вопросы, доктор. Я потеряла уверенность в вас, мне становится скучно, так что придется уйти. Мы заканчиваем?

ФРЕЙД. Почему ты написала ту предсмертную записку?

МАТЬ *(дочитав до конца, кричит)*. А-А-А-А-А-А! О, НЕ-Е-Е-ЕТ! ДО-О-О-ОРА! МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ДОРРИ! ГОСПОДИ! ГЕЙНРИХ! ГЕЙНРИХ...

ДОРА. Потому что люблю наблюдать за истериками матери.

ФРЕЙД. Почему ты хотела умереть?

ДОРА. Я не хотела умирать, никому не собиралась показывать эту записку. Она постоянно роется в моих вещах, что-то чистит целыми днями, наверное, ночью в постели полирует моего отца. Я думаю, женщину, которая не проявляет уважения к собственности другой женщины, нужно убивать.

ФРЕЙД. Если ты никому не собиралась ее показывать, зачем написала?

ДОРА. Развлекалась...

ФРЕЙД. Угроза самоубийства тебя развлекает?

ДОРА. Писательство меня развлекает.

ФРЕЙД. Ты никогда не собиралась причинить себе вред?

ДОРА. Я собиралась увидеть, что напишу, тоже поиск истины, и посмотрите куда меня привели мои творческие и познавательные импульсы? К вам в кабинет. Мои родители запаниковали, это типичная для них реакция.

ФРЕЙД. У тебе не бывает ощущения, что ты хочешь умереть?

ДОРА. Сейчас оно имеет место быть. Не нравится мне этот разговор. Я чувствую, что на грани обморока.

ФРЕЙД. Это удобно.

ДОРА. Простите?

ФРЕЙД. Часто ты чувствуешь, на грани обморока, если разговор тебе не по нраву?

ДОРА. Я уверена, что вам говорил об этом мой отец.

ФРЕЙД. Ты падала в обморок, когда спорила с отцом?

ДОРА. Я не спорю с отцом.

ФРЕЙД. Даже насчет Клиппштейнов?

ДОРА. Что он рассказал вам о Клиппштейнах? Он сказал, что я фантазировала? У меня богатое воображение. Я унаследовала это от отца. Несомненно, он отрицал все.

ФРЕЙД. Отрицал что?

ДОРА. Вы мне не поверите.

ФРЕЙД. Расскажи, и посмотрим.

ДОРА. У моего отца роман с фрау Клиппштейн.

ФРЕЙД. Откуда ты это знаешь?

ДОРА. Заметить это труда не составляет. Они маскируются, как русская армия. Я постоянно встречаю их на улице. Она щупают друг дружку и смеются, как гиены.

(ОТЕЦ и ФРАУ КЛИППШТЕЙН идут по улице и смеются. Далее ДОРА обращается к ним).

Картина 3

ДОРА. Не подскажите, как пройти в зоопарк. Сейчас брачный период. Дядя Отто так возбужден.

ФРАУ К. Привет, Дора.

ДОРА. Не обращайтесь на меня внимания. Я не собираюсь вам мешать.

ОТЕЦ (*обращаясь к ФРАУ КЛИППШТЕЙН*). Пожалуйста, передайте вашему мужу мои слова, и с ним мы обсудим это позже, за сигарами, хорошо?

ДОРА. Звучит неубедительно.

ОТЕЦ. Что ты здесь делаешь, Дора?

ДОРА. Я как раз хотела спросить тебя о том же.

ОТЕЦ. У меня деловая встреча, и по пути я случайно столкнулся с фрау Клиппштейн и попросил ее передать мужу одно мое предложение.

ДОРА. Что за предложение?

ОТЕЦ. Тебя это не касается.

ФРАУ К. Речь об этих шахматах, в которые они играют. Твой отец предлагает провести очередную партию завтра вечером. На удивление странное занятие для взрослых мужчин.

ОТЕЦ. Шахматы помогают расслабиться.

ДОРА. Ты и так выглядишь расслабленным.

ОТЕЦ. Я уверен, что вам двоим есть, о чем поболтать, а я поспешу на встречу.

ДОРА. Конечно, поспеши. Прыг-скок, прыг-скок.

ОТЕЦ. Увидимся позже, Дора.

ДОРА. Я в нетерпении.

(*Он уходит. ДОРА и ФРАУ К. смотрят друг на дружку*).

ФРАУ К. И как ты сегодня?

ДОРА. И чем занимаетесь вы и мой отец?

ФРАУ К. Занимаемся? Чем мы занимаемся?

ДОРА. Почему я постоянно встречаю вас на улице?

ФРАУ К. Твой отец – давний друг моего мужа, ты это знаешь. Наши семьи много лет близки, и я не понимаю...

ДОРА. Чего вы от него хотите? У вас есть муж. И что он хочет от вас?

ФРАУ К. Не думаю, что твой отец должен тебе что-то объяснять, Дора, и мне совершенно не нравится твой тон.

ДОРА. Раньше я думала, что вы – такая хорошая.

ФРАУ К. А теперь не думаешь? И что такого ужасного я, по-твоему, сделала?

ДОРА. А если я скажу маме? Это ее убьет.

ФРАУ К. Твоя мать не поймет, что ты пытаешься ей сказать. Я сама не очень-то понимаю. И незачем тебе так дуться. Мы всегда были такими добрыми подругами. Я по-прежнему считаю тебя самой близкой моей подругой, так что не думай обо мне плохо. Я ни в чем не повинна, клянусь. А что более важно, ты не должна расстраивать своего отца. Помни, что на мужчин надеяться никак нельзя, но твой отец – исключение из общего правила.

ДОРА. А ваш муж?

ФРАУ К. (*Смотрит на ГЕРРА К.*) Два исключения – не редкость. Не пытайся везде искать грязь, Дора, постоянные ревность и подозрительность жизнь не красят. Послушай, давай поиграем во взрослых и выпьем по чашке чая. Поболтаем и посмеемся, как прежде. Что скажешь?

ДОРА. Я ненавижу чай. Вкус у него, как у прокипяченной блевотины.

ФРАУ К. Хорошо, хочешь быть букой – имеешь право. На том и расстанемся. Если я тебе больше не нравлюсь, значит, я тебе больше не нравлюсь. Может, завтра твое отношение ко мне вновь переменится. Бедная Дора, так печалиться безо всякой на то причины. *(Целует ее в лоб)*. А я тебя люблю, чтобы ты ни воображала на мой счет. Пойду куплю себе какую-нибудь забавную шляпу, так ты меня расстроила. Если хочешь, составь мне компанию. Нет? Пытайся быть счастливой, дорогая, у тебя впереди вся жизнь, не теряй времени даром, тревожась о нас. Найди себе милого молодого человека и будь счастлива. Твоя жизнь – крохотный огонек в огромной темной комнате, его так легко задуть. Всегда помни, что жизнь – всего лишь миг между прошлым и будущим, и ты должна найти способ пройти по ней в радости. Завтра я загляну к тебе, хорошо?

(ДОРА отворачивается. ФРАУ КЛИППШТЕЙН вздыхает и уходит. ДОРА собирается позвать ее, но подавляет это желание).

Картина 4

ФРЕЙД (*наблюдая за уходящей ФРАУ К.*) Следует ли убить женщину, которая водит пашни с мужем другой женщины? Или с отцом другой женщины? Или с любовником другой женщины?

ДОРА. Убивать должно только мужчин.

ФРЕЙД. Едва ли это справедливо.

ДОРА. Я думаю, это справедливо. Вашими стараниями женщины становятся слабыми, хитрыми, эгоистичными, сходящими с ума от страсти, а потом вы наказываете их за это. Я думаю, мужчин нужно кастрировать при рождении. Это решило бы все проблемы мира.

ФРЕЙД. Как я понимаю, фрау Клиппштейн ты не поверила?

ДОРА. А вы поверили бы?

ФРЕЙД. Потом отец говорил с тобой об этом?

ДОРА. Да, конечно.

ОТЕЦ. Я случайно столкнулся с ней на улице.

ДОРА. И ты случайно сталкивался с ней в укромном месте, где вы были наедине? И как часто ты с ней сталкивался?

ОТЕЦ. Дора, не хами.

ДОРА. Конечно, мое хамство недопустимо. Я должна быть милой и глупой, как и положено хорошо воспитанной даме. Будь слепой, Дора, еще и глухой.

ОТЕЦ. Это была совершенно невинная встреча.

ДОРА. Ты гладил ее по спине. Целовал. Я видела.

ОТЕЦ. Всего лишь дружеский жест. Твои собственные грязные мысли приводят к тому, что ты возводишь напраслину на других.

ДОРА. Мои грязные мысли? Да любой на улице мог причитать ТВОИ грязные мысли. Ты смотрел на нее, как пес – на кусок сырого мяса.

ОТЕЦ. Я не позволю тебе так говорить со мной.

ДОРА. Ты спишь с ней, так? Днем вы лежите голыми в постели, а потом выходите на улицу уже в одежде, с улыбкой до ушей. Я удивлена, что мужчина твоему возрасту еще на это способен.

ОТЕЦ (*собираясь ударить ее*). Ты ужасная, несносная девчонка.

ДОРА. Да, ударь меня, давай поглядим на твое истинное отношение к дочери, которая стоит у тебя на пути и не так глупа, чтобы поверить в твою жалкую ложь.

ОТЕЦ. Дора, почему ты себя так мучаешь? Подойди ко мне. (*Делает к ней шаг, чтобы обнять*).

ДОРА. Отойди от меня, убери свои руки. От них идет ее запах.

ОТЕЦ. Дора послушай, мы с Фрау Клиппштейн...

ДОРА. Я ничего не вижу! Папочка, я ничего не вижу! Помогите мне!

ОТЕЦ (*обнимая ее*). Все будет хорошо.

ФРЕЙД. Обморок – это, разумеется, всего лишь способ привлечь внимание, закончить неприятную сцену, вызвав сочувствие, сблизиться с отцом, при этом заставив его ощутить чувство вины. Не говоря о том, что исключается необходимость услышать правду.

ДОРА. Это гнусная и предельно бесчувственная ложь.

ФРЕЙД. Ты использовала этот обморок, чтобы заменить фрау Клиппштейн в объятиях своего отца.

ДОРА (*резко отстраняется от отца*). Это неправда.

ФРЕЙД. Разумеется, правда. Твоя злость тому подтверждение. Это наиболее простая часть, видная всем, даже тебе. Мы должны копнуть гораздо глубже, если хотим выяснить, в чем настоящая проблема.

ДОРА. Вы мне не нравитесь.

ФРЕЙД. Со временем снова понравлюсь.

ДОРА. А кто говорит, что вы мне вообще нравились?

ФРЕЙД. Ты злишься на своего отца, а потом он вновь начинает тебе нравиться. Глубина твоей злости отчасти измеряется твоей любовью к нему. Ты прощаешь и фрау Клиппштейн?

ДОРА. Я ненавижу фрау Клиппштейн.

ФРЕЙД. Но ты не всегда ненавидела ее?

ДОРА. Раньше мы с ней много чего делали вместе.

ФРЕЙД. Например?

Картина 5

(ФРАУ КЛИППШТЕЙН расчесывает волосы ДОРЫ, ОТЕЦ и ГЕРР КЛИППШТЕН на диване, курят сигары. ВОЛЬФ и МАРСИ увели детей в парк и играют с ними, МАТЬ протирает пыль. ФРЕЙД наблюдает).

ФРАУ К. *(Расчесывая волосы)*. Ты становишься такой красивой девушкой, Дора.

ДОРА. А кем я была раньше? Уродливой девушкой?

ФРАУ К. Красивым ребенком.

ДОРА. Я никогда не стану такой же красивой, как вы.

ФРАУ К. Глупости. Ты станешь гораздо красивее меня.

ДОРА. Вы – единственная, кто так думает.

ФРАУ К. Твой отец так думает.

ДОРА. Нет, конечно.

ФРАУ К. Конечно, думает. И мой муж тоже.

ДОРА. Вы меня разыгрываете.

ФРАУ К. Я бы не стала этого делать.

ДОРА. Ох!

ФРАУ К. Извини. Волосы спутались. Все тебя любят, Дора. Ты молодая. А на меня уже никто особого внимания не обращает.

ДОРА. Я обращаю. Я хочу быть такой же, как вы.

ФРАУ К. Если ты станешь такой же, как я, то будешь очень несчастной девушкой.

ДОРА. Вы несчастная? Почему вы несчастная? У вас милые дети, симпатичный и обаятельный муж...

ФРАУ К. Ты думаешь, мой муж симпатичный и обаятельный?

ДОРА. Разумеется.

ФРАУ К. Такой же симпатичный и обаятельный, как твой отец?

ДОРА. Они оба симпатичные и обаятельные.

ФРАУ К. Значит, нам с тобой очень повезло, так?

ДОРА. Вам и моей матери повезло, мне – нет.

ФРАУ К. Нам повезло в том, что у нас есть ТЫ.

ДОРА. Ваш муж действительно думает, что я – красавица?

ФРАУ К. Да.

ДОРА. ОХ!

ФРАУ К. Не дергайся.

ДОРА. Он говорил, что я – красавица?

ФРАУ К. А зачем? Я без слов знаю, что думает мой муж. К сожалению. Послушай, если ты будешь сидеть смирно и будешь хорошей девочкой, возможно, позже тебе достанется вкусный банан. Хочешь его получить?

ДОРА. Да, очень.

ФРАУ К. Я так и думала.

Картина 6

ФРЕЙД. Фрау Клиппштейн ты больше не любишь и думаешь, что твоя мать – идиотка, твой брат – зануда, а твой отец – лжец. Но, по крайней мере, ты благоволишь к герру Клиппштейну, которого полагаешь симпатичным и обаятельным?

ДОРА. Он гнуснее всех.

ФРЕЙД. И что сделал герр Клиппштейн, чтобы заслужить такую характеристику?

ДОРА. Он набросился на меня и сделал неприличное предложение. Несомненно, мой отец сказал вам, что я вообразила и это.

ФРЕЙД. Но ты не вообразила.

ДОРА. Нет.

ФРЕЙД. И рассказала отцу?

ДОРА. Естественно. А он прикинулся, будто не верит мне.

ФРЕЙД. Почему твой отец прикинулся, будто не верит тебе?

ДОРА. Из-за фрау Клиппштейн.

ФРЕЙД. Этого я не понимаю.

ДОРА. Отец не хочет терять ее. Порвать с Клиппштейнами для него невыносимо, вот он и говорит, что нападение Клиппштейна – моя выдумка.

ФРЕЙД. Это очень серьезное обвинение.

ДОРА. Так вы мне не верите?

ФРЕЙД. Я этого не говорил.

ДОРА. И все-таки, верите или нет?

ФРЕЙД. Расскажи, что произошло у тебя с герром Клиппштейном?

ДОРА. Это случилось на озере. У них там дом, и мы отцом поехали к ним в гости.

(ИДЕТ к ГЕРРУ К. на берег озера. Щебечут птицы).

ГЕРР К. Ты такая красивая, Дора.

ДОРА. Да, я знаю, но не волнуйтесь, я это переживу.

ГЕРР К. У тебя есть молодой человек?

ДОРА. Что за глупости!

ГЕРР К. Я редко веду себя глупо.

ДОРА. Я думаю, мальчишек моего возраста нужно убить.

ГЕРР К. То есть ты предпочитаешь мужчин постарше?

ДОРА. Никого я не предпочитаю.

ГЕРР К. Дни ужасно тянутся, если никого не любишь. И ночи тоже.

ДОРА. Я склонна думать, они будут также тянуться, если кого-то любить.

ГЕРР К. Ах, умудренная опытом женщина.

ДОРА. Не надо меня высмеивать.

ГЕРР К. У меня такого и в мыслях не было. Хочешь сигарету?

ДОРА. Нет, благодарю.

ГЕРР К. Для большинства людей именно надежда познать любовь позволяет переходить из одного дня в другой. Человек надеется, что как-то, когда-то любовь придет, и продолжает жить. Для таких людей, как мы, это все, что у нас есть.

ДОРА. Как это печально.

ГЕРР К. Ты ведь умная девочка, так?

(Протягивает руку, словно собираясь прикоснуться к щеке ДОРЫ. На мгновение они замирают).

ФРЕЙД. А что потом?

ДОРА. Потом он сделал непристойное предложение.

ФРЕЙД. Какое именно?

ДОРА. Я устала, на сегодня все.

ФРЕЙД. Нет, еще нет.

ДОРА. Я решаю, когда все! Я плачу вам, не вы – мне, вы делаете то, что я говорю, и вам это нравится.

ФРЕЙД. На самом деле мне платит твой отец – не ты.

ДОРА. Спасибо, что напомнили. Вы его лакей, услуги которого он оплачивает, так? И ваша работа убедить меня, что я больна.

ФРЕЙД. Моя работа – установить истину и помочь тебе.

ДОРА. Вы верите, что на озере герр Клиппштейн повел себя непристойно по отношению ко мне?

ФРЕЙД. Я верю, что ты в это веришь.

ДОРА. Вы верите, что у моего отца роман с фрау Клиппштейн?

ФРЕЙД. Я верю, что ты в это веришь, Дора...

ДОРА. Вы не верите ничему, сказанному мной.

ФРЕЙД. Веришь – не веришь, это не ко мне. Я ищу правду...

ДОРА. Чью правду? Вашу или мою? Или правду моего отца, раз его правда подкреплена деньгами. Я полагаю, что его победит, ведь так живет этот мир? Ваш мир, и мир моего отца и герра Клиппштейна. Вы устанавливаете правила, обеспечиваете их выполнение, курите сигары, деньги переходят из рук в руки, женщины переходят из рук в руки, и в этом вся правда. На том нашим взаимным обещаниям и конец, доктор Фадд. Прощайте.

(Она выбегает из кабинета. ФРЕЙД стоит, на лице написана тревога, думает. ОТЕЦ наблюдает, покуривая сигару. ФРЕЙД поворачивается к нему).

Картина 7

ФРЕЙД. Вы не поверили рассказу дочери о поведении герра Клиппштейна на озере?

ОТЕЦ. Разумеется, нет.

ФРЕЙД. Раньше Дора вам лгала?

ОТЕЦ. Моя дочь – не лгунья.

ФРЕЙД. Тогда как все это объяснить??

ОТЕЦ. Ее всегда отличали мечтательность и тонкое понимание, сильные чувства и богатое воображение, а также добропорядочность и сдержанность в поведении. Я не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли.

ФРЕЙД. Но как такая сообразительная и восприимчивая девушка могла столь ошибиться в оценке намерений герра Клиппштейна?

ОТЕЦ. Я думаю, она страдает от какого-то ментального шока, который заставляет ее сверхактивное воображение выдумать нечто такое, что она начинает принимать за правду. Разве не вы должны мне это говорить?

ФРЕЙД. Вы точно не видите никакой опасности в том, что такая юная девушка, как Дора, проводит достаточно долгое время в компании герра Клиппштейна, и обычно без присмотра?

ОТЕЦ. Я могу положиться на свою дочь.

ФРЕЙД. И вы можете положиться на герра Клиппштейна?

ОТЕЦ. Я уверен, что герр Клиппштейн не способен на такое поведение. Он не представляет угрозы для Доры. Она еще ребенок, и он относится к ней, как к ребенку.

ГЕРР К. (*Через окно обращается к ДОРЕ, которая идет через сцену вместе с МАРСИ, играя с детьми*). До-о-о-о-о-ора, может зайдешь ко мне? Мы поигра-а-а-а-ем!

ДОРА. И не подумаю.

ГЕРР К. Заходи, До-о-о-о-ор-ри. Мы поиграем в лису и курицу, волка и овечку, прятки и жмурки.

ДОРА. Не хочу я с вами играть. Вы – плохой.

ГЕРР К. Я одинокий, Дора. Помогите мне.

ФРЕЙД. Так вы высокого мнения о человеческих качествах герра Клиппштейна?

ОТЕЦ. Я бы не стал заходить так далеко. Просто не думаю, что он мог сделать такое с Дорой. Он – цивилизованный человек. Хотя я восхищаюсь им далеко не во всем.

ФРЕЙД. А в чем вы им не восхищаетесь?

ОТЕЦ. Не нравится мне, как он относится к своей жене.

ФРЕЙД. Он ее третирует?

ОТЕЦ. Для нее он... не очень хороший муж.

ФРЕЙД. Тогда, получается, вполне возможно, что он...

ОТЕЦ. Нет, это невозможно.

ФРЕЙД. Вы высокого мнения о фрау Клиппштейн?

ОТЕЦ. Да. Она всегда была хорошей подругой. Доре.

ФРЕЙД. И вам?

ОТЕЦ. Она ухаживала за мной, когда я болел.

ФРЕЙД. Так вы с ней близки?

ОТЕЦ. Что это за вопрос? Вы должны заниматься Дорой, а не мной.

ФРЕЙД. Я смогу помочь вашей дочери, только докопавшись до правды.

ОТЕЦ. Конечно же, вы не верите ее обвинениям касательно фрау Клиппштейн и меня?

ФРЕЙД. О каких обвинениях вы говорите?

ОТЕЦ. Вы стараетесь подловить меня?

ФРЕЙД. Я стараюсь помочь Доре. Ведь вы пришли сюда только ради этого?

ОТЕЦ. Не нравится мне, как это звучит.

ФРЕЙД. Вы можете обратиться и к другому специалисту.

ОТЕЦ. Может, я так и поступлю.

ФРЕЙД. Может, вам следует так поступить.

(Пауза).

ОТЕЦ. Ладно, я вам скажу, как мужчина – мужчине. Фрау Клиппштейн – очень хорошая женщина и очень несчастная. Я, как вам известно, ничего не получаю от моей жены. Наши отношения уже несколько лет менее чем никакие. А фрау Клиппштейн такая теплая и отзывчивая. И время от времени мы спасаемся от нашего одиночества в компании друг дружки. Дора молода и не понимает этого. Она видит жуткую непристойность там, где, на самом деле, нет ничего кроме общения двух несчастных людей, которым необходима компания и сочувствие. Я не стыжусь своих отношений с фрау Клиппштейн, меня возмущает любая попытка замарать ее честь или мою, пусть даже со стороны моей бедной заблуждающейся дочери, которую я люблю больше всех на свете. У вас есть дочь, так? Я надеюсь, ваша домашняя жизнь счастливее моей. Если нет, тогда вы понимаете мое положение. А теперь, что еще вы хотите знать о моей личной жизни?

ФРЕЙД. Вы ознакомили герра Клиппшейна с обвинениями, выдвинутыми против него вашей дочерью?

ОТЕЦ. Я говорил с ним об этом, да.

ФРЕЙД. И что он сказал?

ОТЕЦ. Он убедил меня, что Дора превратно истолковала его намерения.

(ГЕРР КЛИППШЕЙН за шахматной доской).

ФРЕЙД. И как он это сделал?

Картина 8

(ГЕРР КЛИППШТЕЙН и ОТЕЦ играют в шахматы и курят сигары).

ГЕРР К. На самом деле вы не верите, что я скомпрометировал себя подобным образом с юной дочерью такого близкого друга нашей семьи, как вы? С девушкой, которую я воспринимаю чуть ли не своей дочерью?

ОТЕЦ. Дора говорит, что вы вели себя непристойно.

ГЕРР К. Я очень высоко мнения о Доре, вы это знаете, она такая милая девушка но... Друг мой, буду с вами откровенен, простите меня... Моя жена, вы знаете, как нежно она любит Дору... Моя жена не раз, и не два говорила мне, что в нынешний период своей жизни Дора буквально одержима вопросами секса. И это, разумеется, вполне естественно для ее возраста. Во всяком случае, я так думаю. В смысле, женщины думают о таком... Ну, не знаю...

ОТЕЦ. Ваша жена вам это говорила?

ГЕРР К. Если хотите, спросите ее. Я уверен... И я краснею, говоря вам об этом... Я уверен, что Дора прочитала книги по психологии любви, которые, к сожалению, оставил в нашем доме его прежний владелец. Вы можете получить подтверждение моих слов у моей жены, если вдруг увидите с ней. Я думаю, Дора перевозбудилась от чтения и целиком и полностью вообразила все то, что описала вам.

ОТЕЦ. Вы говорите, что она выдумала все от начала и до конца?

ГЕРР К. Нет, я неоднократно виделся с Дорой на озере, иногда мы какое-то время проводили наедине, вы наверняка это помните, но заверяю вас, всякий раз все было чинно и благородно. То же самое можно сказать, я в этом не сомневаюсь, о ваших встречах с моей женой в аналогичной ситуации.

(Пауза. Они смотрят друг на друга).

ОТЕЦ. Надеюсь, вы понимаете. Я очень люблю Дору. Не могу допустить, чтобы кто-то причинил ей вред, по любой причине. Вы это понимаете?

ГЕРР К. На вашем месте я бы из-за этого особо не волновался. Девушки должны пройти этот этап своего развития. Вы человек опытный, много чего повидали, поэтому знаете, какие они, женщины.

ОТЕЦ. Да. Знаю.

ГЕРР К. Естественно. Как я понимаю, у нас ничья. У вас потухла сигара? Моя горит. Желаете прикурить? *(Они смотрят друг на друга поверх шахматной доски. ГЕРР К. улыбается. Отец – нет).* Нравится мне эта игра. Единственная достойная игра в этом мире.

Картина 9

(ДОРА пересекает сцену, направляясь к ФРЕЙДУ, который сидит за столом и курит сигару. Он улыбается. Она хмурится, садится на стул).

ФРЕЙД. Я счастлив. Ты больше не сердишься на меня.

ДОРА. Мне стало скучно. Я решила прийти. Могу уйти еще раз. *(Пауза. ФРЕЙД ждет).*

Вы говорили с моим отцом.

ФРЕЙД. С чего ты так решила?

ДОРА. На днях он пришел домой, ругаясь на вас.

ФРЕЙД. Правда? Похоже, я разозлил вас обоих.

ДОРА. Он вас не убедил?

ФРЕЙД. Откуда у тебя такая уверенность, что в отношениях твоего отца и фрау Клиппштейн есть что-то непристойное?

ДОРА. Это очевидно.

ФРЕЙД. Докажи мне эту очевидность.

ДОРА. Все началось с его болезни, когда она за ним ухаживала.

ФРЕЙД. Почему твоя мать не ухаживала за ним?

ДОРА. Мама ненавидит беспорядок, грязь, суету. Фрау Клиппштейн не столь привередливая. До ее появления, он позволял ухаживать за ним только мне.

ФРЕЙД. Тогда почему он переключился на фрау Клиппштейн?

ДОРА. Полагаю, захотел добавить в ухаживание интимности.

ФРЕЙД. Есть у тебя доказательства интимности их отношений?

ДОРА. Летом после болезни моего отца наши семьи сняли «люксы» в курортном отеле. Однажды фрау Клиппштейн, которая делила комнату со своей маленькой дочерью, объявила за завтраком...

(ДОРА и ФРАУ КЛИППШТЕЙН сидят за столом, МАРСИ с детьми в спальне, ВОЛЬФ становится официантом).

ФРАУ К. Знаешь, Дора, я думаю, нам нужно внести некоторые изменения в нашу курортную жизнь. Маленькая Гриндль больше не хочет спать со своей мамулей. Разве это ни печально?

ДОРА. Я думала, ей нравится спать с вами.

ФРАУ К. Она, возможно, и говорит, что ей нравится, но я полагаю, ей будет только лучше, если она будет спать без меня. Она уже не младенец. Мы можем устроить ее с Марси.

МАРСИ *(поднимает ГРИНДЛЬ в воздух, смеется)*. У-у-у-у-у! Гриндль может летать.

ФРАУ К. По крайней мере, им будет чем, заняться. Бог свидетель, для няни-гувернантки она проводит с Гриндль не так и много времени. Я не уверена, что она вообще делает, кроме как ест. И это у нее получается. Выглядит такой хрупкой, а наворачивает, как солдат.

(МАРСИ кормит ГРИНДЛЬ, очень заботливо).

ДОРА. Так вы будете спать с вашим мужем?

ФРАУ К. Ну до чего ты глупая. У меня и мыслей таких не было, он очень любит уединение. Я буду спать в пустующей комнате в конце коридора. Это проще всего, правда?

ДОРА. Вы можете спать в моей комнате. Сэкономите деньги.

ФРАУ К. Премного тебе благодарна, дорогая, но я не хочу тебя стеснять.

ДОРА. Вы меня не стесните. Будет весело, как в далеком прошлом, когда я, еще маленькая девочка, жила в вашем доме.

ФРАУ К. Во многом ты по-прежнему маленькая девочка.

ДОРА. Вот и нет.

ФРАУ К. А если ты взрослая, у тебя должна быть своя комната, как и у меня. Смотри, вон идет этот отвратительный официант, который всегда выглядит так, словно только что съел младенца. Что будем на завтрак? Как насчет кальмара?

ДОРА (*обращаясь к ФРЕЙДУ*). А через день или два мой отец начал намекать, и не так, чтобы тонко, что комната, в которой он живет, его совершенно не устраивает.

ОТЕЦ. Во-первых, там летучие мыши. Они шуршат всю ночь. Да еще такой сильный сквозняк, что у меня льет из носа. А мужчина из соседнего номера с раннего утра упражняется в игре на тубе, и постоянно чихает. Никакого отдыха. Я все больше склоняюсь к тому, чтобы перебраться в свободный номер в конце коридора.

ДОРА. Тот номер и комнату фрау Клиппштейн разделял лишь узкий коридор. Не составляло труда понять, зачем все это делается, но они жаждали друг дружку и думали, что остальные крайне глупы...

(Звучит главная тема вальса «Голубой Дунай», исполняемого оркестром, которому подыгрывает туба. Каждая музыкальная фраза заканчивается громким чиханием. Мы слышим первые тридцать два такта главной темы вальса и наблюдаем за перемещениями персонажей по сцене. Такты 1-4: МАТЬ слышит шум, выходит в коридор и поднимается по лестнице; 5-8:ВОЛЬФ, идущий на свидание с МАРСИ, крадется в темноте к подножию той же лестницы; 9-12: ФРАУ К. по другой лестнице уходит из спальни; 13-16: ГЕРР К. заходит в спальню из коридора; 17-20: МАРСИ поднимается с кровати и по лестнице черного хода спускается вниз в поисках ВОЛЬФА; 21-24: ОТЕЦ заходит в спальню, где в кровати лежит ГЕРР К., кого-то ожидая; 25-26: МАТЬ спускается по лестнице, ВОЛЬФ – поднимается, они сталкиваются и громко кричат; 27-28: ОТЕЦ обнаруживает в кровати ГЕРРА К., оба от изумления громко кричат; 29-30: ГЕРР К., выпрыгнув из кровати, выбегает на лестницу и наталкивается на МАРСИ, оба кричат, ГЕРР К. убегает; 30-32: ОТЕЦ, выбежав из спальни, наталкивается МАРСИ, еще не отошедшую от столкновения с ГЕРРОМ К. оба кричат, под оркестр, громкие звуки тубы и чихание ОТЕЦ теряет равновесие, взмахивает руками, и валится с лестницы вниз. Короткое затемнение, все персонажи оказываются на исходных местах).

ФРЕЙД. И никто не видел во всем этом ничего особенного?

ДОРА. Все это повторялось каждое лето и, в конце концов, я сочла необходимым привлечь внимание матери.

(МАТЬ протирает пыль, напевая себе под нос мелодию «Голубого Дуная»).

МАТЬ. М-м-м... м-м-м-м-м-м... М-м-м-м-м-м... М-М-М-М-М-М-М... ДУТ-ДУТ... ДУТ-ДУТ...

ДОРА. МАМА?

МАТЬ. Не ори, дорогая, от крика твое лицо становится лиловым.

ДОРА. Тебе не тревожит, что отец проводит с фрау Клиппштейн так много времени?

МАТЬ. С чего это должно тревожить меня?

ДОРА. Я спросила его, почему, и он сказал, что я должна быть благодарна за то, что она сделала. Как это понимать?

МАТЬ. Дора, однажды твой отец ушел в лес, в отчаянии от своей болезни, полный решимости свести счеты с жизнью, и фрау Клиппштейн, которая гуляла по лесу, наткнулась на него и убедила изменить принятое решение ради детей. Только благодаря ей твой отец жив.

ДОРА. Ты в это веришь?

МАТЬ. Да, верю. В тот самый день я видела их, выходящих из леса, и твой отец мне все объяснил. Я обняла ее, как сестру.

ДОРА. Мама, ты такая наивная.

МАТЬ. Надеюсь, Дора, став старше, ты что-то узнаешь о жизни и правде.

ДОРА. А зачем? Ты вот не узнала.

МАТЬ. Да, сейчас ты думаешь, что ты – умная, а я – глупая. Став старше, ты, возможно, станешь такой же глупой, как я, и будешь думать, что девушка, которой ты была, еще глупее. Такая она, жизнь. Поверь мне, Дора. Правда – то, с чем ты можешь жить.

ДОРА. Жизнь не такая. Я не хочу, чтобы жизнь была такой. Мама, тебе совершенно не тревожат то, как мы спим в этом отеле?

МАТЬ. Я сплю прекрасно, дорогая? А как спишь ты?

ДОРА. Мне так за тебя стыдно.

МАТЬ. В этом месте и времени, любовь моя, мы сражаемся тем оружием, которое у нас есть. Или нам удастся этому научиться, или мы умираем. Конечно, мы все равно умираем, но, научившись использовать то, что у нас есть, мы умираем более счастливыми. Поэтому, если не хочешь составить компанию дяде Отто в дурдоме, тебе лучше послушать свою мать. *(ДОРА не смотрит на нее. В глазах МАТЕРИ жалость к дочери)*. Ох-х-х-х-х. Такая упрямая. Никто этого не любит. Бедная крошка. *(Целует ДОРУ в щеку и, напевая себе под нос и вальсируя удаляется, с тряпкой в руке)*.

Картина 10

ФРЕЙД. Должен признать, звучит это подозрительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.